

В.И. Мамонтов¹, И.Е. Обраменко², Е.В. Перерва³

¹Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
400066, пр. им. В.И. Ленина, д. 27, Волгоград, Россия

²Государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Волгоградский областной клинический
кардиологический центр», 400008, г. Волгоград, Университетский пр-т, 106, Волгоград, Россия

³Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
400131, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8, Волгоград, Россия

ТРЕПАНАЦИЯ ЧЕРЕПА ИЗ ЗАХОРОНЕНИЯ СРЕДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Введение. В 2017 году в результате археологических работ на кургане 26 могильника Вербовский I, Калачевского района Волгоградской области, в погребении среднесарматского времени (I–II в. н.э.) была обнаружена черепная коробка женщины 35–45 лет, с тремя отверстиями в теменно-затылочной области. По мнению автора раскопа, погребенная женщина принадлежала к состоятельным слоям сарматского населения. Сопровождающий инвентарь в погребении, весьма выразителен, и включал в себя боевое оружие (наконечник копья) и в тоже время набор отдельных предметов (бусин, раковин, подвесок из фрагментов керамики, мела и бронзы), которые вполне позволяют говорить о возможном выполнении женщиной ещё и жреческих обязанностей.

Методы. При описании дефектов, зафиксированных на черепе из могильника Вербовский, были использованы рекомендации, изложенные в работах М.Б. Медниковой (1997, 2001). Во время проведения дифференциальной диагностики использовался метод компьютерной томографии. Исследование проведено на 128-срезовом компьютерном томографе «Somatom Definition» (Siemens) с двумя рентгеновскими трубками.

Результаты. В результате изучения перфораций, удалось установить, что дефекты являются трепанационными отверстиями, совершенными способом сверления. Отсутствие следов заживления указывает на предсмертный или посмертный характер операций. Анализ научных работ, посвященных изучению проблем и причин распространения посмертных трепанаций у древних народов Евразии, позволил установить, что по характеру осуществления трепанация черепа из могильника Вербовский I, находит аналогии в средне и позднесарматских погребениях Нижнего Поволжья, а также в памятниках Западного и Центрального Казахстана V–III вв. до н.э.

Обсуждение. Истоки происхождения обычая посмертной трепанации следует искать у древних народов Центральной и Средней Азии, проживавших на этой территории, начиная с VIII и по I вв. до н.э.. Операции на черепе женщины из могильника Вербовский имеют ритуально-символическое значение. Однако в рамках какого ритуала или традиции были осуществлены данные искусственные манипуляции с черепом человека, установить достаточно сложно. Это может быть и подготовительная процедура при мумификации трупа или его бальзамировании или подготовка трупа к погребению или длительному хранению; ритуальное разграбление и вредительство с целью «запирания» неугодного покойника и т.д.

Ключевые слова: трепанация; посмертные манипуляции; символическо-ритуальные действия; среднесарматское время; Нижнее Поволжье

Введение

В процессе охранных археологических работ, которые проводились донской экспедицией научно-производственной лаборатории Волгоградского государственного педагогического университета в Калачёвском районе у пос. Вербовский в 2017 г. был раскопан курган № 26 могильника Вербовский I. Под насыпью кургана обнаружено одно погребение. На дне могильной ямы была найдена черепная коробка, на которой были зафиксированы три отверстия искусственного происхождения.

Целью данной работы является изучение перфораций, выявленных на черепе женщины из кургана № 26 могильника Вербовский, для выяснения причин проведения данных манипуляций.

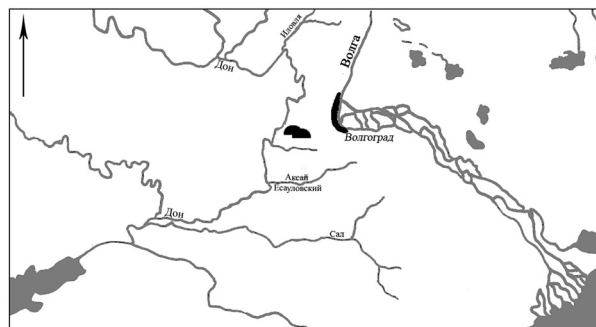
Методика исследования

При описании дефектов, зафиксированных на черепе из могильника Вербовский, были использованы рекомендации, изложенные в работах М.Б. Медниковой [1997, 2001]. Во время проведения дифференциальной диагностики использовался метод компьютерной томографии. Исследование проведено на 128-срезовом компьютерном томографе «Somatom Definition» (Siemens) с двумя рентгеновскими трубками с толщиной среза 5 мм, 2 мм и 0,6 мм и инкрементом реконструкции сырых данных 0,4 мм. Выполнены мультипланарные реформации в сагиттальной и фронтальной проекциях и трехмерные реформации с использованием метода объемной визуализации.

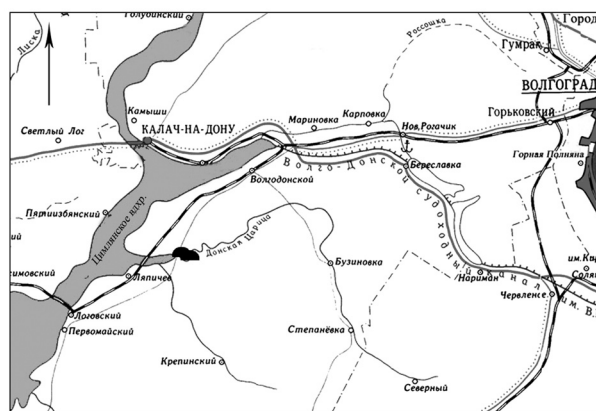
Местоположение и характеристика археологического комплекса

Могильник Вербовский I располагается по правому берегу р. Донская Царица, в 1,5 км. на Северо-Восток от хутора Вербовский Калачевского района Волгоградской области (рис. 1А, Б) [Археологическая энциклопедия ..., 2009, с. 44].

В результате охранных археологических работ в 2017 году был исследован курган № 26. На уровне материка было обнаружено одно могильное пятно. В результате раскопок погребения удалось установить, что могильная конструкция представляет собой прямоугольную яму с закругленными углами, устроенную в древних слоях морских меловых отложений, и ориентированную длинной осью по направлению север-юг. В насыпи, ближе к дну ямы и на дне обнаружены фрагменты костей человека – большей частью они встретились в южной части ямы, куда, вероятно, были отбро-

А

Б

Рисунок 1. А. Место расположения могильника Вербовский, карта Нижнего Поволжья. Б. Место расположения могильника Вербовский, часть карты Волгоградской области

Figure 1. A. Location of burial ground Verbovsky, map of the Lower Volga region. Б. Location of the burial site Verbovsky, part of the map of the Volgograd region

шены во время ограбления (рис. 2). Ближе к юго-восточному углу ямы, на дне, на правой стороне лежал череп женщины, нижняя челюсть которой находилась за сводом черепа среди нескольких позвонков и фрагментом плечевой кости.

В насыпи и на дне ямы, среди разрушенных костей, были собраны части изделий из сопровождающего инвентаря: фрагменты серолощеного кувшина, лепных глиняной толстостенной, цилиндрической курительницы и малой курительницы; клык кабана с округлым отверстием для подвешивания, плоский округлый медальон из спиленного основания рога животного (в центре просверлено отверстие для ношения); несколько морских раковин, фрагменты железного втульчатого наконечника легкого копья, фрагменты железного ножа, массивной пещни и шильца, обломок бронзовой чаши, часть небольшой бронзовой цилиндрической подвески, фрагменты костяной ложечки и другие фрагменты мелких изделий. Найдены золотые штампованные нашивные бляшки с мелкими отверстиями

Рисунок 2. Фотография донной части погребения 1
Figure 2. Photograph of the bottom part of the burial 1

для фиксации на ткани: ромбовидные, полусферические, треугольные (спаянные из трех рубчатых пронизок), мелкие сферические бусы, рубчатые пронизки, бляшки типа «овы», две крупные фигурные нашивные бляшки. В погребении также найдены фрагменты бронзовой лучковой подвижной фибулы с четырехвитковой пружиной. Фибула относится к группе I, варианту 3 (по А.С. Скрипкину), который можно отнести к «рубежу I–II н.э.» [Скрипкин, 1984].

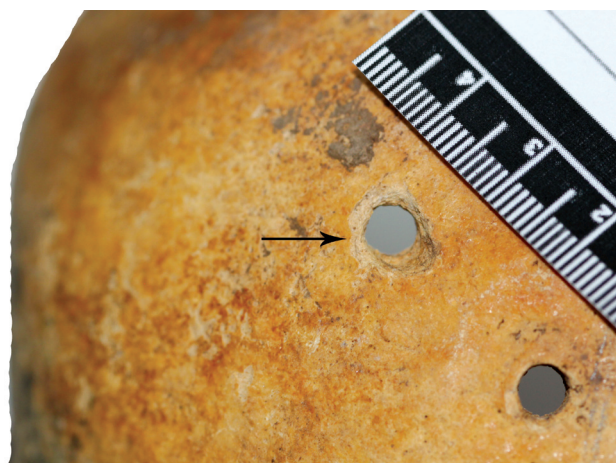
Таким образом, женское сарматское погребение из кургана № 26 могильника Вербовский I можно уверенно датировать I–II вв. н.э.

Описание антропологической находки

Для изучения оказались доступны фрагменты черепной коробки: лобная кость, теменные кости и затылочная кость, целая левая верхнечелюстная кость, альвеолярный отросток правой верхнечелюстной кости, нижняя челюсть, состоящая из двух больших фрагментов. Черепная коробка слабо профилирована. Нижняя челюсть грацильная, ветви челюсти развиты слабо, а подбородочный выступ округлен. Лобная кость несколько скошена, надглазничный край острый, сосцевидные отростки на черепе мелкие. Затылок имеет шиньонобразное строение, затылочный бугор развит хорошо. Судя по вышеуказанным признакам останки черепа, принадлежат женщине.

Рисунок 3. Отверстия в затылочной области черепа
вид сзади
Figure 3. Holes in the occipital region of the skull,
rear view

А

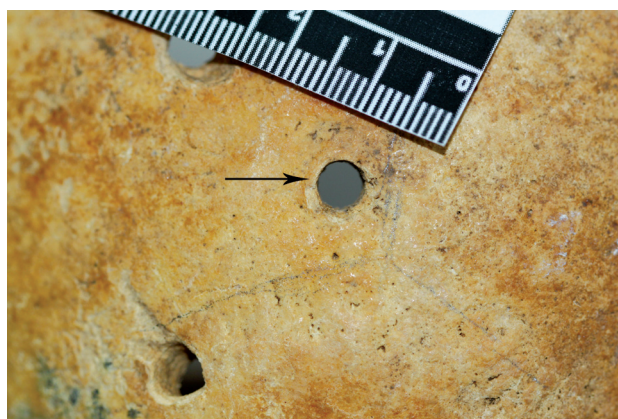

Б

Рисунок 4. А. Трепанационное отверстие № 1 вид сверху. Б. Выходное отверстие трепанации № 1 на внутренней поверхности черепа

Figure 4. A. Trepanation hole No. 1 top view.

Б. Trepanation No. 1 emission hole on the inner surface of the skull

А

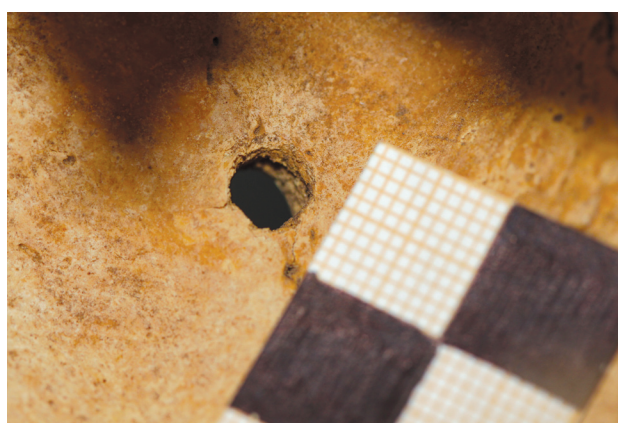
Б

Рисунок 5. А. Входное отверстие трепанации № 2 вид сверху. Б. Выходное отверстие трепанации № 2 вид сверху на внутренней поверхности черепа

Figure 5. A. The entrance hole of Trepanation No. 2 is a top view. Б. Emission hole of trephination No. 2 top view on the inner surface of the skull

А

Б

Рисунок 6. А. Трепанация № 3 вид сверху. Б. Выходное отверстие трепанации № 3, внутренняя поверхность черепа

Figure 6. A. Trepanation No. 3 top view. Б. Trepanation outlet No. 3, the inner surface of the skull

Возраст определялся по степени стертости зубов и облитерации швов черепа. По состоянию зубов возрастной интервал укладывается в период 35–45 лет [Brothwell, 1981]. Степень состояния швов со стороны эндокрана, свидетельствуют о том, что возраст женщины исходя из облитерации сагиттального, большей части затылочного и венечного швов может укладываться в предел 35–45 лет [Meindl, Lovejoy, 1985].

На черепной коробке в затылочно-теменной области с ориентацией в левую сторону зафиксированы три отверстия искусственного происхождения (рис. 3).

1. Круглое сквозное отверстие (рис. 4а). Находится на левой теменной кости в 20 мм от стреловидного шва и в 26 мм от антропологической точки лямбда. Отверстие проделано под некоторым углом и ориентировано в верхнюю левую часть теменной кости. Наружные края неровные, со следами сколов, с некоторым расширением на внешней поверхности. Поперечный размер отверстия снаружи 8 мм, а в сагиттальном направлении 8,5 мм. Внутренний диаметр отверстия от стенки до стенки 6 мм. Стенки трепанации ровные, структура диплоэ просматривается хорошо. Выходное отверстие в полость черепа со стороны эндокрана также неровное его диаметр 8 x 7 мм, края внутренней костной пластинки зазубрены с образованием сколов (рис. 4б). На краях две радиальные трещины с правой и с левой стороны длиной по 2 мм. Следов уплотнения и воспалительного процесса не обнаружено.

2. Второе отверстие располагается в стреловидном шве с небольшим смещением в левую сторону в 10 мм от антропологической точки Лямбда (рис. 5а). Расстояние между первым и вторым отверстием составляет 15 мм. Отверстие сквозное. Левый край входного отверстия заострен и имеет ровную поверхность, нижний и правый край перфорации сбиты и покрыты мелкими сколами. Цвет сколов на краях входного и выходного отверстия одного цвета. Стенки отверстия ровные и вертикальные. Структура диплоэ не изменена. Размер входного и выходного отверстия одинаковый 6 мм в диаметре. Края выходного отверстия острые с мелкими сколами (рис. 5б). С левой и с правой стороны имеются трещины длиной 3 мм. Следов воспалительного процесса и уплотнения не обнаружено.

3. Третья сквозная перфорация. Входное и выходное отверстие имеют одинаковые размеры – 6 мм (рис. 6а). Располагается в затылочном шве с левой стороны с небольшим смещением вниз. Стенки ровные, расположены под углом и направлены в сторону затылочного отверстия (слева направо и вниз). Края входного отверстия неровные, имеются сколы. На левой верхней стороне

отверстия имеются два обширных скола, образовавшиеся в результате воздействия трепанационного инструмента. Дефекты в виде продольных желобков длиной 3 и 10 мм. Цвет кости и поверхности сколов одинаковый. Выходное отверстие ровное, округлое без следов сколов (рис. 6б). Края ровные и острые. Следы репарационного процесса отсутствуют.

Результаты исследования на компьютерном томографе

На аксиальных томограммах фрагмента черепа толщина чешуи затылочной кости 7–8 мм, на уровне затылочного гребня – до 22 мм. Толщина теменных костей 12–13 мм. Чешуя правой височной кости толщиной 3–5 мм. Фрагмент чешуи левой височной кости толщиной 3–4 мм. Наружная пластинка костей толщиной от 2 до 4 мм, стекловидная внутренняя пластинка толщиной 1–2 мм, со следами сосудистого рисунка и незначительно выраженных пальцевидных вдавлений. Диплоическое вещество порозно. На границе чешуи затылочной кости и левой теменной кости, по лямбдовидному шву, в левой теменной кости, в проекции сагиттального шва определяется три трепанационных отверстия, с четкими, ровными контурами (рис. 7). Внутренние стенки отверстий на срезах толщиной 0,6 мм незначительно зазубрены. Ширина отверстия по лямбдовидному шву слева: на уровне наружной пластинки, в средних отделах диплоэ и по внутренней пластинке 6 мм, 6 мм и 6 мм соответственно (рис. 8). На наружной пластинке левой теменной кости, по верхнелевому краю отверстия, определяется скол протяженностью 4 мм и глубиной 1,5–2 мм. Ширина отверстия в левой теменной кости: на уровне наружной пластинки, в средних отделах диплоэ и по внутренней пластинке 7 мм, 6 мм и 6 мм соответственно (рис. 9). Ширина отверстия в проекции сагиттального шва: на уровне наружной пластинки, в средних отделах диплоэ и по внутренней пластинке 6 мм, 6 мм и 6 мм соответственно (рис. 10).

Макроскопическое описание находки и исследование ее с помощью компьютерного томографа, а также археологический контекст позволяет сделать следующие заключения:

1. Способ проведения трепанации – сверление.
2. Отсутствие следов заживления указывает на предсмертный и или посмертный характер трепанации.
3. Наличие богатого погребального инвентаря в захоронении, из которого происходит черепная коробка и множественность отверстий, а также локализация дефектов может указывать на символическо-ритуальное значение проведенной операции.

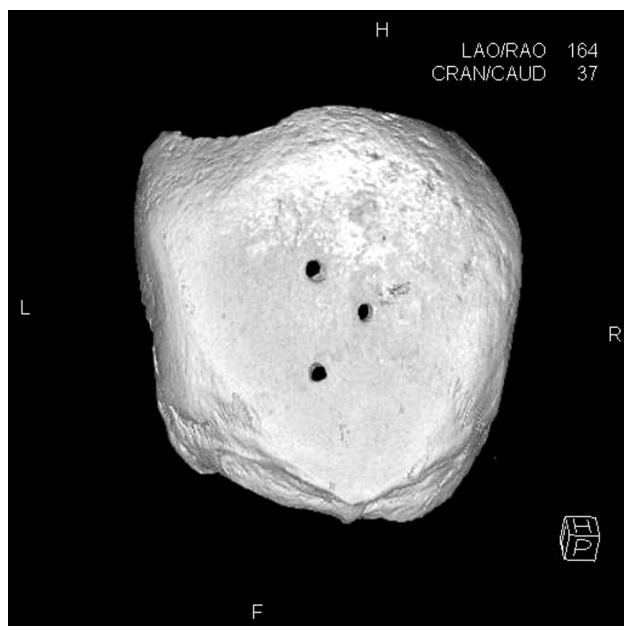

Рисунок 7. Трехмерные реформации части черепа женщины, полученные на мультисрезовом компьютерном томографе с использованием метода объемной визуализации. Вид сзади
 Figure 7. Three-dimensional reformation of a part of a woman's skull, obtained on a multislice computer tomograph using the three-dimensional visualization method. Back view

Рисунок 8. Мультипланарная реформация части черепа женщины в сагиттальной проекции, трепанация № 3
 Figure 8. Multiplanar reformation of a part of the female skull in the sagittal projection, trepanation No. 3

Рисунок 9. Мультипланарная реформация части черепа женщины в сагиттальной проекции, трепанация № 1
 Figure 9. Multiplanar reformation of a part of the female skull in the sagittal projection, trepanation No. 1

Рисунок 10. Мультипланарная реформация части черепа женщины в сагиттальной проекции, трепанация № 2
 Figure 10. Multiplanar reformation of a part of the female skull in the sagittal projection, trepanation No. 2

Обсуждение

Трепанация головы – одна из самых древних операций, проводимых на черепе человека [Brothwell, 1972; Медникова, 1997]. Наряду с преднамеренной и непреднамеренной искусственной деформацией черепа, ампутацией конечности и скальпированием, трепанация как манипуляция известна у многих древних народов, встречаясь на всех континентах земного шара [Лисцын, 2004; Фиалков, 2010].

Трепанация черепа у древних народов проводилась с различными целями. Как указывает М.Б. Медникова [Медникова, 1997], именно этот факт лежит в основе большинства классификаций трепанационных отверстий и объяснения причин совершения подобного рода манипуляций. Вообще в настоящий момент существует два основных направления, по которым проводят классификацию трепанаций.

1. Техника или способ проведения операции на черепе: (1) сверление, (2) скобление, (3) пиление, (4) надрезы неправильной формы, (5) надрезы округлые или овальные, (6) прямоугольное пиление, (7) сверление с резанием [Wilson, Cantab, 1923; Lisovski, 1967; Brothwell, 1972, Verano, 2003, Erdal, Erdal 2011].
2. Классификация трепанаций по цели проведения: (1) терапевтические, (2) травматические, (3) символическо-ритуальные [Медникова, 2001, 2004; Nemeskeri, Kinga-Kralovansky, Brothwell, 1972; Boev, 1992; Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998; Rubini 2008].

На материалах сарматского времени с территории Нижнего Поволжья случаев проведения операций на голове в научной литературе описано сравнительно немного.

В работе С.В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» указывается, что трепанирование и мумификация в эпоху таштыкских погребений (II век до н. э. – V век н. э.) было достаточно распространенным явлением у народов востока, и автор отсылает читателей к сарматским погребениям с трепанацией с территории Поволжья и к погребениям Алтая [Киселев, 1951, с. 403].

Первую изученную трепанацию у сарматов мы находим в работе Д.Г. Рохлина «Болезни древних людей». Исследователем приводится описание удачно выполненной трепанации у мужчины из погребения III–I вв. до н.э. [Рохлин, 1965, с. 174, 195]. Операция, скорее всего, имела терапевтический характер.

Л.В. Гуренко в 1996 году были проведены археологические раскопки в Кумылженском районе Волгоградской области у станицы Глазуновской. В кургане 4 было раскопано позднесарматское погребение III–IV вв. н.э. В погребении был обнару-

жен череп со следами трепанации и нижняя челюсть с трепанационными отверстиями [Гуренко, 1997]. Исследование черепа и нижней челюсти проводилось судебно-медицинским экспертом В.В. Сидоровым.

Анализ манипуляций на черепе позволил эксперту прийти к выводу, что повреждения в области обеих вертикальных ветвей нижней челюсти были получены прижизненно и образовались в результате сверления, направленного изнутри наружу и сзади наперед. Трепанация в заднем отделе теменной кости справа была совершена, возможно, концевой частью стрелы, имеющей металлический наконечник [Гуренко, 1996].

Еще один известный случай трепанации на сарматском материале описан одним из авторов данной работы Е.В. Перервой. Им была исследована трепанация черепа у женщины из погребения 3 кургана 45 могильника Перегрузное I. Захоронение было датировано среднесарматским временем I в. н.э. На черепе женщины выявлено два дефекта: первое повреждение в виде незаконченной трепанации и второй представлял собой сквозную перфорацию. Трепанации расположены на теменных костях в брегмальной области. Скорее всего, выполнены посмертно, вероятно, в ритуально-символических целях. Способ выполнения операции сверлильный [Перерва, 2012, с. 131].

Таким образом, в настоящий момент на территории Нижнего Поволжья (Волгоградской области) выявлено три черепа с трепанациями на сарматских материалах.

Случаи из могильников Глазуновский и Перегрузное I представляют наибольший интерес, так как близки описанной выше находке из курганного комплекса Вербовский в хронологическом плане и по технике проведения операции – сверление.

Сверление – один из наиболее распространенных способов проведения трепанации у различных народов земного шара [Гохман, 1989; Бужилова, Добровольская, Медникова, 2006; Бейсенов, Китов, 2014; Drennan, 1937; Wilkinson, 1975; Rawlings, Rossitch, 1994; Brothwell, 1994; Campillo, Safont et al., 1999; Crubezy et al., 2001; Sankhyan, Weber, 2001; Nystrom, 2006; Acikkol et al., 2009; Likovsky, Malykova, et al., 2010; Erdal, Erdal, 2011; Pitsios, Zafiri, 2012; Kurin, 2013; Chorney, Gandhi et al., 2014; Tiago, Silva et al., 2015–2016].

Наиболее близкими, территориально и в хронологическом плане находками сверлильных трепанаций черепа являются материалы, найденные в Казахстане, в Монголии и в Закавказье.

Так, П. Боевым и О. Исмагуловым описан трепанированный череп из кургана в местности Карабие Коунрадского района Карагандинской области Казахской ССР. Черепная коробка принадлежала мужчине 35–40 лет. Погребение было отнесено ис-

следователями к V–III вв. до н.э. Учеными на черепе на задней части левой височной кости и на верхней левой части затылочной кости обнаружены 6 отверстий, расположенных косо от верхнемедиальной к нижнемедиальной стороне. Диаметр отверстий от 7 до 7,5. [Боев, Исмагулов, 1962, с. 131–132]. Возможной причиной трепанации черепа была терапевтическая операция, в тоже время исследователи допускают возможность смерти больного во время операции или даже посмертную трепанацию [Боев, Исмагулов, 1962, с. 131–132].

Группа исследователей А.З. Бейсенов, А.О. Исмагулов, Е.П. Китов и А.О. Китова, изучая население Центрального Казахстана, относящееся к тасмолинской культуре (VIII–V вв. до н.э.), описали трепанации на 11 черепах. Из них на 10 мозговых капсулах обнаружены сквозные круглые перфорации, выполненные способом сверления. Операции были проделаны на девяти мужских и одном детском черепе. Во всех случаях дефекты локализованы на затылочной кости или задней части теменных костей. Количество перфораций на черепах варьируется от 1 до 15. Дополнительно к трепанациям на некоторых черепах в области проведения операций фиксировались следы скальпирования, а также специальных насечек крест-накрест [Бейсенов с соавт., 2015, с. 112–126]. Причиной посмертных трепанаций, по мнению исследователей, вероятнее всего, является необходимость сохранения тела до погребения [Бейсенов с соавт., 2015, с. 133]. Данный вывод учеными был сделан на основе анализа данных этнографии народов Казахстана и распространению обряда мумификации у древних народов, населявших эту территорию.

Б. Наран и Д. Тумен приводят описание черепа 47-4 (АТ-129) из Чандманьского (Улангом) могильника VII–III вв. до н.э., с территории Монголии. На мозговой капсуле обнаружено семь трепанационных отверстий. Несколько из них были высверлены. Следов заживления не выявлено. Поэтому ученые пришли к выводу, что во время трепанации больной умер или операция была выполнена после его смерти. Причину трепанаций у мужчины Б. Наран и Д. Тумен не указывают. Ученые лишь предполагают, что все 8 отверстий были сделаны поэтапно, возможно перед смертью или посмертно [Наран, Тумен, 1997].

А. Худавердян была описана трепанация, выполненная способом сверления, на черепе женщины молодого возраста из погребения 1 могильника Карамир (IX–VIII вв. до н.э.) с территории Армении. Сквозное отверстие размером 14x12,5 мм, выявлено в сагиттальном шве. Края повреждения свидетельствуют о прижизненном или предсмертном характере трепанации [Худавердян, 2015].

Обзор находок трепанации, осуществленных сверлом из сопредельных территорий, указывает

на восточные корни возникновения данного обычая. Культурные традиции манипуляций с черепом человека наряду с археологическими особенностями сарматских культур, вероятно, зародились на обширной территории от Центральной до Средней Азии.

Рассматривая вопрос о причинах появления отверстий на черепной коробке среднесарматской женщины из могильника Вербовский I, следует обратиться к интерпретациям и объяснениям случаев посмертной трепанации, которые были выявлены на антропологических материалах раннего железного века.

Так, ссылаясь на работы венгерских ученых, Д.А. Кириченко сделал обзор находок трепанированных черепов сарматского времени с территории Венгрии. На венгерских материалах им приводятся три хирургические операции, которые были совершены прижизненно и имели благоприятный исход. И один случай посмертной операции на черепе из погребения № 52 могильника Цзенгеле (Csengele), которая имела ритуально-символический характер [Кириченко, 2016].

С.И. Руденко во II Пазырыкском кургане, датирующимся скифской эпохой (V в. до н.э.), обнаружил мумифицированные трупы с трепанациями черепа. Аналогичные находки были сделаны С.И. Руденко и в Шибинском кургане II–I вв. до н.э. [Руденко, 1953]. Причины трепанации на черепах из данного кургана С.И. Руденко связывает с традициями погребального обряда Пазырыка [Руденко, 1949].

Несколько позднее С.И. Руденко высказал еще одну точку зрения относительно причин возникновения трепанаций на черепах из Пазырыкских курганов, он связывает данную манипуляцию с извлечением мозга, что было необходимо для мумификации трупа [Руденко, 1953].

С.В. Киселев, описывая особенности археологических древностей таштыкской эпохи на Енисее, зафиксировал случаи посмертной трепанации черепа в затылочной части. Ученый предположил, что операции проводились для извлечения мозга и подготовки к мумификации трупов [Киселев, 1951].

Л.В. Кызласов посмертную трепанацию на черепах таштыкской культуры объяснял тем, что труп перед погребением, видимо, *превращали в скелет* «для чего производилась и посмертная трепанация черепа...» [Кызласов, 1960]. Данная точка зрения достаточно аргументировано подверглась критике А.Н. Липским, который подробно изучил этнографию погребальных обрядов северо-западных монголов, алтайцев, хакасов, тунгусов, гольдов-нанайцев и других народностей Сибири. Следов подобного рода обычаев у выше указанных народов он не обнаружил. Исследова-

тель предполагает, что трепанацию следует связывать с религиозным или лечебным ее назначением, целью которой было «выпустить», «изгнать» из головы человека засевшего там духа, причиняющего боль [Липский, 1966, с. 107].

Случаи посмертных трепанации, на материалах таштыкской культуры, также были изучены И.И. Гохманом. В некоторых могильниках, по мнению исследователя, частота трепанированных черепов достигает 80–90%. Трепанация локализуется в затылочной области. Варианты трепанаций в каждом могильнике разные, что указывает на распространение специфических традиций [Гохман, 1989].

М.Б. Медниковой были исследованы серии позднеатагарского времени из могильников Самохвал, Тагарский Остров и Казыл-Куль. Ученым на обширном антропологическом материале были описаны посмертные трепанации, которые выполнены с помощью различных способов произведения и сильно отличаются по форме. Причина осуществления данных манипуляций с черепной коробкой представителями тагарской культуры связывается с ритуальными действиями [Медникова, 1997, 2000].

А.Д. Грач выявил трепанацию на антропологических материалах саглынской культуры из могильников Саглы-Бажи II и Мажалык-Ховузу I, II, с территории Республики Тува. Исследователь предположил, что, перфорации проделывались для извлечения мозга. Как указывает автор, обычно такие операции применялась при бальзамировании трупов. Кроме этого автор указывает, что бальзамирование трупов умерших знатных лиц было в обычае у различных племён «скифского» мира [Грач, 1980].

Следует обратить внимание и на работу Э. Мерфи, которая исследовала антропологические материалы могильника Аймырлыг из Улус-Хемского района Тувы. Ею был изучен череп женщины с отверстием в левой части лобной кости, которое было выполнено в лечебных целях и перфорация на черепе подростка, выполненная посмертно, в рамках ритуала или с трофическими целями [Murphy, 2003].

Здесь же еще раз стоит упомянуть выше приведенные материалы с посмертными трепанациями описанные П. Боевым и О. Исмагуловым, А.З. Бейсеновым и Е.П. Китовым из Казахстана, Б. Наран, Д. Тумен из Северо-Западной Монголии и А. Худавердян из Закавказья.

Итак, большая часть ученых (И.С. Руденко, А.Д. Грач, С.В. Киселев, Л.В. Кызласов, Е.П. Китов и др.), ссылаясь на широкое распространение у народов Центральной Азии обряда мумификации трупов и присутствия следов трепанации на их черепах, а также на этнографические параллели ка-

захского народа, выдвигают гипотезу о том, что трепанация является предварительной или подготовительной процедурой при мумификации трупа или его бальзамировании. Таким способом древние операторы освобождали череп умершего человека от биомасс, подвергаясьеся быстрому разложению, делая мозговую капсулу полый или заполняя ее консервирующим составом, для лучшей сохранности внешних мягких тканей. Данная точка зрения, имеет право на существование, в особенности в отношении культур Центральной и Средней Азии. В случаях же с антропологическими материалами с территории Нижнего Поволжья подобная ситуация маловероятна, так как существование традиции мумификации и бальзамирования у народов с этой территории в письменных источниках и в археологических работах не подтверждается.

В то же время, обзор находок посмертных трепанаций, а также интерпретация их целевого назначения, позволяет предположить, что трепанации на черепе женщины из могильника Вербовский I имеет ритуальный характер, а появление посмертных сверлильных трепанаций у сарматов среднего и позднего этапов, вероятнее всего, является доказательством общности культурного и религиозного развития сарматского мира и культур Центральной и Средней Азии, что в целом находит подтверждение и на археологическом материале.

Так еще в 1992 году А.С. Скрипкиным была представлена гипотеза формирования и сложения среднесарматской культуры на территории Нижнего Поволжья. По мнению ученого, в III–II вв. до н.э. происходят культурные трансформации на таких территориях как Южная Сибирь, Казахстан и Средняя Азия. Старые скифские традиции сменяются новыми стереотипами. Впоследствии все это приводит к более быстрому распространению новых культурных процессов в I в. н.э. на территории Нижнего Поволжья. С этого времени в сарматских погребениях распространяются китайские и «бактрийского» типа зеркала; небольшие литые бронзовые котлы со сливами и ручками в виде фигурок животных, по ряду деталей близких сакской культовой посуде; браслеты с коническими утолщениями на концах, имеющие широкий круг аналогий в среднеазиатских древностях; некоторые типы оружия [Скрипкин, 1992].

Все эти изменения в культурных традициях учеными связываются с появлением на Нижнем Поволжье и в Причерноморских степях аланов. По мнению А.С. Скрипкина, основа аланского этноса складывается в Средней Азии на базе кочевых народов восточных скифов и других [Скрипкин, 1992].

Данную гипотезу поддерживает и С.А. Яценко, который указывает, что в формировании социальных и культурных стереотипов населения

Нижнего Поволжья, Нижнего Подонья и Северного Причерноморья не последнюю роль играли генетические связи предков аланов с южно-казахстанской «кочевой империей» Кангюй/Кангха эпохи ее расцвета [Яценко, 2006].

В связи с этим вполне естественным становится ответ на вопрос об истоках и параллелях трепанации у сарматов среднего и позднего этапов. Наряду с погребальными традициями и инновациями в материальной культуре, которые отмечаются в археологических комплексах I–II вв. н.э. и II–IV вв. н.э., мигрантами с востока были принесены и обычаи, связанные с манипуляциями с головой. В случае если это умершие люди – трепанация, у живых – преднамеренная искусственная деформация.

Остановимся еще на нескольких обстоятельствах, связанных с археологическим контекстом погребения из могильника Вербовский, и на том, какую информацию они могут предоставить для понимания причины появления отверстий на черепе женщины.

Так, по мнению автора раскопа В.И. Мамонтова погребенная женщина в кургане 26 могильника Вербовский, вероятно, принадлежала к состоятельным слоям сарматского населения, поскольку сопровождающий инвентарь, даже в разрушенном виде, весьма выразителен. Находки курительниц, набора отдельных предметов (бусин, раковин, подвесок из фрагментов керамики, мела и бронзы), которые вполне могли быть амулетами, оберегами, позволяют говорить о возможном выполнении женщиной ещё и жреческих обязанностей [Яценко, 2007]. В связи с этим уместно будет вспомнить предположение, которое было высказано И.С. Руденко о том, что трепанация черепа в Пазырыкских курганах практиковалась исключительно в отношении влиятельных лиц, так как на черепах из рядовых погребений трепанаций не зафиксировано [Руденко, 1949].

На высокий социальный статус индивидов с посмертной сверлильной трепанацией черепа указывают А.З. Бейсенов и Е.П. Китов, называя погребения этих людей элитой тасмолинской археологической культуры. Данный вывод делается на основании большого размера и сложности конструкций могильных сооружений, а также наличия в захоронениях престижных изделий раннесакского периода [Бейсенов, Китов, 2014].

Еще одна особенность – погребение 1 из кургана 26 могильника Вербовский I имеет высокую степень схожести с погребением 3 кургана 45 могильника Перегрузное I. Во-первых, в хронологическом плане оба захоронения совершены в I–II вв. н.э. Во-вторых, набор погребального инвентаря во многом совпадает. Так в обоих погребениях встречены фрагменты крупных керамических сосудов,

сделанных на гончарном круге, фрагменты лепной керамики, различные мелкие сосудики типа курительниц и бальзамариев, бронзовые зеркала, железные орудия (шильца, иглы), костяные ложечки, большой и разнообразный набор бус и оберегов, практически идентичные друг другу наборы золотых бляшек [Курганный могильник Перегрузное ..., 2014]. В-третьих, одинаковая конструкция могильной ямы – прямоугольная яма. И в-четвертых, по отношению к обоим захоронениям был совершен обряд обезвреживания или, как его еще называют, ритуальное разграбление могилы, которое характеризовалось частичным (могильник Перегрузное) или полным (Вербовский) разрушением целостности покойника и нарушением мест положения погребального инвентаря.

Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания. Обряды ритуального ограбления и обезвреживания покойника достаточно широко распространены у древних народов Евразии. Проблеме интерпретации таких ритуальных практик посвящено достаточно обширная литература, среди которой следует отметить работы таких ученых как С.А. Токарев [Токарев, 1990], Ю.А. Смирнов [Смирнов, 1997], В.С. Флеров [Флеров, 2000], О.В. Зайцева [Зайцева, 2005].

Описания обряда обезвреживания и ритуального разграбления в скифо-сарматских погребениях и их интерпретация имеется в работах С.А. Абрамова [Абрамов, 1968], В.С. Флерова [Флеров, 2000], М.А. Григорьевой, С.Г. Леоновой [Григорьева, Леонова, 2015], Н.А. Гаврилюк, Н.П. Тимченко [Гаврилюк, Тимченко, 2014], С.А. Яценко [Яценко, 2016], Е.В. Вдовиченкова, С.М. Ильшенко [Вдовиченков, Ильшенко, 2016], А.В. Антипенко [Антипенко, 2016].

Так, С.А. Токарев, связывал обряд обезвреживания покойников с идеей «живого мертвеца» и предлагал несколько вариантов объяснения таких погребальных практик:

1. Вера в то, что душа, покидая тело человека после смерти может вредить оставшимся в живых.
2. Страх перед усопшим есть общебиологический инстинкт.
3. Причиной страха перед трупом является реальная опасность, исходящая от гниющего, разлагающегося трупа [Токарев, 1990]

С.А. Токарев указывает, что чаще всего обряды обезвреживания и ритуальных манипуляций с трупом осуществлялись преимущественно при погребении влиятельных лиц. Что объяснялось им не биологическим «страхом смерти», а отражением социальной дифференциации в обществе [Токарев, 1990].

М.Ф. Косарев, исследуя мировоззренческие аспекты погребальной обрядности на основе сибирских материалов, указывает, что одной из причин ритуального разграбления покойников могла

быть необходимость заплатить умершему неплаченный ему при жизни «долг» или, напротив, взять с него долг, который он при жизни так и не вернул [Косарев, 2010].

М.А. Григорьева и С.Г. Леонова, изучая погребальные практики ираноязычных кочевников Северного Кавказа, поддержали идею Ю.А. Смирнова о том, что процесс преднамеренного разрушения тела умершего является целью приведения покойного в сублимированное состояние и подразумевает осуществление ряда операций. Среди этих манипуляций исследователи выделяют так называемый второй этап – «секцию», который включает в себя различные приемы, направленные на вскрытие черепного свода с целью извлечения органа или ткани – мягкой или костной [Григорьева, Леонова, 2016]. Причина проведения таких ритуалов, по мнению М.А. Григорьевой и С.Г. Леоновой продиктована чувством страха к явлениям смерти, а конкретнее, это нейтрализация «вредных покойников», которые вторгаются в мир живых [Григорьева, Леонова, 2016, с. 20].

Р.А. Козленко, исследовав погребения с обрядом обезвреживания покойника в Нижнем Побужье в античный период, обратил внимание на то, что в ряде случаев черепные коробки были повреждены преднамеренно. Данные манипуляции ученый связывает с обрядом обезвреживания, в котором он видит ритуальную направленность, характерную для кочевых племен территории Евразии [Козленко, 2016].

На сарматских материалах из Ставрополя обряды обезвреживания описаны Ю.А. Прокопенко [Прокопенко, 2011] на материалах из Ипатьевского кургана, Д.В. Пикаловым [Пикалов, 2014] – кургана близ села Китаевка. Целью проведения обрядов, в результате которых нарушалась целостность скелета, по мнению исследователей, было так называемое «запирание» покойника.

Таким образом, в результате анализа причин, совершения обряда обезвреживания покойника (ритуального разграбления), имеющих в научной литературе, можно сделать предположение, что именно в рамках данных действий в погребениях среднесарматского времени могильников Перегрузное I и Вербовский I, могли быть осуществлены трепанации на черепках женщин.

Символическое значение трепанаций черепа, в этом случае, становится частью погребального обряда или специального ритуала, направленного на обеспечение защиты от умершего человека, который мог нанести вред родственникам или членам общества.

Выводы

1. На черепной коробке женщины из кургана № 26 могильника Вербовский I был выполнен комплекс операций, который можно отождествить с посмертной трепанацией, проведенной методом сверления.
2. По характеру осуществления трепанации черепа, описанные выше операции, находят аналогии в средне- и позднесарматских погребениях Нижнего Поволжья, а также в памятниках Западного и Центрального Казахстана V–III вв. до н.э.
3. Истоки происхождения обычая посмертной трепанации у носителей сарматских культур с территории Нижнего Поволжья следует искать у древних народов Центральной и Средней Азии, проживавших там с VIII в. по I в. до н.э. Скорее всего, этнополитические процессы, которые происходили на данной территории, привели к появлению в первых веках нашей эры на территории южнорусских степей носителей новых культурных традиций (в том числе, и посмертной трепанации).
4. Не возникает сомнений относительно ритуально-символического значения проведенных операций на черепе женщины из могильника Вербовский. В тоже время остается открытым вопрос о том, в рамках какого ритуала или традиции были осуществлены данные искусственные манипуляции с черепом человека: подготовительная процедура при мумификации трупа или его бальзамировании; подготовка трупа к погребению или длительному хранению; избавление трупа человека, «освобождение» или «изгнание» засевшего там духа, причинявшего боль; ритуальное разграбление и вредительство с целью «запирания» неугодного покойника.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-18-00137 «Контакты и взаимосвязи населения Урало-Поволжский и Казахстанских степей в период поздней бронзы и раннего железа».

Авторы выражают благодарность доктору исторических наук, академику РАН А.П. Бужиловой, ведущему научному сотруднику Отдела теории и методики Института археологии РАН, доктору исторических наук М.Б. Медниковой и младшему научному сотруднику НИИ и Музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова Н.Я. Березиной за консультативную помощь при подготовке работы к публикации, а также доктору медицинских наук, чл.-корр. РАН А.Ю. Васильеву за помощь в обеспечении проведения компьютерной томографии.

Библиография

- Абрамова С.А.* Новые погребения сарматского времени из Кавказо-Балкарии // Советская археология, 1968. № 3. С. 114-130.
- Антипенко А.В.* Обряд обезвреживания умершего у сармато-алан Крымских предгорий // «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планиграфия некрополей» 28–30 ноября 2016 г. в Институте истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) URL: <http://www.archeo.ru/struktura-1/otdel-arheologii-centralnoi-azii-i-kavkaza/meropriyatiya-otdela/drevnie-nekropoli> (дата обращения: 25.10.2017).
- Археологическая энциклопедия Волгоградской области / А.С. Скрипкин (гл. ред.) Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 334 с. ISBN 978-5-9669-0642-9.
- Боев П., Исмагулов О.* Трепанированный череп из Казахской ССР // Советская этнография, 1962. № 2. С. 131-132.
- Бейсенов А.З., Китов Е.П.* Посмертная трепанация черепов в элитных захоронениях сакской эпохи Центрального Казахстана // Известия АлтГУ, 2014. № 4–2 (84). С. 31-41.
- Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О.* Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н.э. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 188 с.
- Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б.* К проблеме реконструкции социальных взаимоотношений населения Барабинской степи (анализ травм и повреждений по антропологическим материалам серии Сопка 2) // Археология, этнография и антропология Евразии, 2006. № 3. С. 148-156.
- Вдовченко Е.В., Ильищенко С.М.* Древние ограбления некрополя Танаиса (к постановке проблемы) // Труды ИИМК РАН, 2016. Т. 46. Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. С. 157-168.
- Гаврилюк Н.А., Тимченко Н.П.* Феномен ограбления скифских погребений в «макроэкономике» Северного Причерноморья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань: «Отечество», 2014. С. 78-83.
- Гохман И.И.* Палеоантропология и доисторическая медицина // Антропология медицине. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 5-16.
- Греч А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: ГРВЛ, 1980. 256 с.
- Григорьева М.А., Леонова С.Г.* «Страх и трепет»: обряд обезвреживания в погребальной практике ираноязычных кочевников Северного Кавказа // Кант, 2015. № 3 (16). С. 16-21.
- Гуренко Л.В.* Отчет о проведении археологических исследований в Кумылженском районе Волгоградской области (у станции Глазуновской) в 1996 г. 87 с.
- Зайцева О.В.* Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации. Дис ... канд. ист. наук. Томск, 2005. 278 с.
- Кириченко Д.А.* О случаях трепанации у сарматских племен Евразии // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2016. № 2 (33). С. 112-119.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Наука, 1951. 635 с.
- Козленко Р.А.* Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период // Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планиграфия некрополей: материалы научной дискуссии 28–30 ноября 2016 г., Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) URL: <http://www.archeo.ru/struktura-1/otdel-arheologii-centralnoi-azii-i-kavkaza/meropriyatiya-otdela/drevnie-nekropoli> (дата обращения: 25.10.2017).
- Косарев М.Ф.* Мировоззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам) // Краткие сообщения института археологии. М.: Языки славянской культуры, 2010. Вып. 224. С. 33–52.
- Курганный могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований: монография / М.А. Балабанова, Е.В. Перерва [и др.]. Волгоград: Из-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2014. 360 с.
- Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). М.: МГУ, 1960. 198 с.
- Липский А.Н.* К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов // Советская этнография, 1966. № 1. С. 105-118.
- Лисицын Ю.П.* История медицины. М.: ГЭОТАР. Мед., 2004. 400 с.
- Медникова М.Б.* К вопросу о распространении посмертной трепанации черепов в Центральной Азии // Российская археология, 1997. № 4. С. 130-188.
- Медникова М.Б.* Трепанации у древних народов Евразии. М.: Научный мир, 2001. 304 с.
- Медникова М.Б.* Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алетейа, 2004. 208 с.
- Наран Б., Тумен Д.* Травматические повреждения на черепках Чандманьского могильника // Российская археология, 1997. № 4. С. 122-130.
- Перерва Е.В.* Случай трепанации у сарматов (по антропологическим материалам из могильника Перегрузное I) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология, 2012. № 2. С. 123-133.
- Пикалов Д.В.* Близнечный культ и обычай отрубания руки у сарматов // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. II. С. 150-155.
- Прокопенко Ю.А.* Связи населения Центрального Предкавказья (вторая половина I тыс. до н.э.). Б.М.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 584 с.
- Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: изд-во Саратовского университета, 1984. 149 с.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1992. 46 с.
- Смирнов Ю.А.* Лабиринт: мифология преднамеренного погребения. М.: Восточная литература, 1997. 279 с.
- Рохлин Д.Г.* Болезни древних людей (кости людей различных эпох нормальные и патологические изменения). М.: Наука, 1960. 303 с.
- Руденко С.И.* Культура Алтая времени сооружения пазырыкских курганов // КСИИМК, 1949. Вып. XXVI. С. 97-109.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: АН СССР, 1953. 402 с.
- Токарев С.А.* Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
- Фиалков Л.* История медицины. Хайфа: JKDesign, 2010. 474 с.
- Флёров В.С.* Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных // Труды Клин-Ярской экспедиции. Т. 1. М.: Полимедиа, 2000. С. 142.
- Худавердян А.Ю.* Трепанированные черепа из погребений эпохи поздней бронзы и раннего железного века с территории Армении // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2015. № 2 (29). С. 115-127.
- Яценко С.А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2007. 664 с.
- Яценко С.А.* О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматов I в. до н.э. – II вв. н.э.) // Мировоззрение народов Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2007. Вып. 1. С. 1-8.
- Яценко С.А.* Характер древних ограблений курганов двух групп сарматской элиты I–II вв. н.э. // Труды ИИМК РАН, 2016. Т. 46. Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. С. 147-156.

Сведения об авторах

Мамонтов Владислав Иванович, к.и.н., профессор, legenda@vspsu.ru.

Обраменко Ирина Евгеньевна, д.м.н. (врач-рентгенолог высшей категории, заведующая отделом лучевой диагностики), custvol@yandex.ru.

Перерва Евгений Владимирович, к.и.н., perervafox@mail.ru.

V.I. Mamontov¹, I.E. Obramenko², E.V. Pererva³

¹*Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Lenin av., building 27, Volgograd, 400066, Russia,*

²*State-Funded Budgetary Public Health Facility «Volgograd Regional Clinical Center for Cardiology»,
University av., 106, Volgograd, 400008, Russia,*

³*Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА,
Gagarin Street, building 8, Volgograd, 400131, Russia*

TREPANATION OF THE CRANIUM FROM THE MIDDLE SARMATIAN TIMES ON THE VOLGOGRAD REGION TERRITORY

Materials and methods. In 2017, the archeological excavation at mound No. 26 of Verbovsky I burial ground in Kalachyovskiy district, in the Volgograd region, resulted in a find in the burial of the middle Sarmatian times (the I–II centuries AD) of a 35–45 year-old woman's cranium with three holes in the parietal-occipital part. According to the dig author, the buried woman came out of the well-off section of the Sarmatian confederation. The accompanying items in the burial are quite expressive and includes a weapon of war (a tip of a spear) and, at the same time, a set of some objects (beads, shells, pendants made of ceramics fragments, chalk and bronze), which, indeed, allows to make an assumption that the woman also performed hieratic functions. The description of the defects fixed on the cranium from the Verbovsky burial ground was made with the use of recommendations suggested in the works by M.B. Mednikova (1997, 2001). A computerized tomography scan method was used during the differential diagnostic procedure. Scanning was made by Siemens Somatom Definition 128-slice computed tomography scanner with two X-ray tubes.

Results. The perforation examination let state that the defects are burr holes created by drilling. The absence of healing marks displays antemortem or postmortem character of operations. Previous studies of the problems and reasons of widespread postmortem trepanation performed by the Eurasian ancients have been analyzed. It allowed us to determine that the performing type of trepanation of the cranium from Verbovsky I burial ground has some analogies with the middle and late Sarmatian burials in the Lower Volga river region, and also in the memorials of the Western and Central Kazakhstan of the V–III centuries B.C. The origins of the postmortem trepanation custom should be searched for in the ancients of Central and Soviet Central Asia living on that territory from the VIII to I century BC.

Discussion. The operations on the cranium of the woman found in the Verbovsky burial are of ritual and symbolic importance. However, it is quite difficult to determine the type of a ritual or tradition which laid as the background for these artificial manipulations with a human cranium. It can be a preparation procedure during mummification and embalming of a dead body or preparation of a dead body for burial or long-term storage, payment of an unpaid debt; a ritual plunder and wrecking aimed at "locking" a decedent-persona non grata, etc.

Keywords: trepanation; postmortem manipulation; symbolic and ritual actions; middle Sarmatian times; Lower Volga river region

References

Abramova S.A. Novye pogrebeniia sarmatskogo vremeni iz Kabardino-Balkarii [New burials of Sarmatian time from Kabardino-Balkaria]. *Sovetskaia arkhologia* [The Soviet archeology], 1968, 3, pp. 114-130 (In Russ.).

Antipenko A.V. Obriad obezvezhivaniia umershego u sarmato-alan Krymskikh predgorii [A ceremony of neutralization of the dead at sarmato-alan the Crimean foothills]. *Drevnie nekropoli: pogrebalno-pominalnaia obriadnost, pogrebalnaia arkhitektura i planigrifiia nekropolei 28–30 noiabria 2016 g. v Institute istorii materialnoi kultury RAN (Sankt-Peterburg)* [Ancient necropolises: funeral and funeral ceremonialism, funeral architecture and a planigrifiya of necropolises" on November 28–30, 2016 at Institute

of history of material culture of RAS (St. Petersburg)] URL: <http://www.archeo.ru/struktura-1/otdel-arheologii-centralnoi-azii-i-kavkaza/meropriyatiya-otdela/drevnie-nekropoli> (Accessed: 25.10.2017) (In Russ.).

Arkhologicheskaiia entsiklopediia Volgogradskoi oblasti. [Archaeological encyclopedia of the Volgograd region] A.S. Skripkin (ed). Volgograd: VolGU Publ., 2009. 334 p. ISBN 978-5-9669-0642-9. (In Russ.).

Boev P., Ismagulov O. Trepanirovannyi cherep iz Kazakhskoi SSR [The trepanned skull from the Kazakh SSR]. *Sovetskaia etnografiia* [The Soviet ethnography], 1962, 2, pp. 131-132. (In Russ.).

Beisenov A.Z., Kitov E.P. Posmertnaia trepanatsiia cherepov v elitnykh zakhoroneniiakh sakskei epokhi Tsentralnogo Kazakhstana [Posthumous trepanation of skulls in elite burials of a sakskei era of

- the Central Kazakhstan], *Izvestiia AltGU* [News ALTGU], 2014, 4–2 (84), pp. 31–41. (In Russ.).
- Beisenov A.Z., Ismagulova A.O., Kitov E.P., Kitova A.O. *Naselenie Tsentralnogo Kazakhstana v I tysyachiletii do n.e.* [Population of the Central Kazakhstan in the I millennium BC]. Almaty, Institut arkhologii im. A.Kh. Margulana Publ., 2015. 188 p. (In Russ.).
- Buzhilova A.P., Dobrovolskaia M.V., Mednikova M.B. K probleme rekonstruktsii sotsialnykh vzaimootnoshenii naseleniia Barabinskoi stepi (analiz travm i povrezhdenii po antropologicheskim materialam serii Sopka 2) [To a problem of reconstruction of social relationship of the population of Baraba Steppe (the analysis of injuries and damages on anthropological materials of the Hill series 2)]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia], 2006, 3, pp. 148–156. (In Russ.).
- Vdovchenkov E.V., Iliashenko S.M. Drevnie ogrableniia nekropolia Tanaisa (k postanovke problemy) [Ancient robberies of a necropolis of Tanais (to statement of a problem)]. In *Drevnie nekropoli i poseleniia: postpogrebalnye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniia i ogrableniia Trudy II MK RAN* [Ancient necropolises and settlements: post-funeral rituals, symbolical burials and robberies. Works II MK RAS]. Sankt-Peterburg, IIMK RAN; Nevskai knizhnaia tipografiia Publ., 2016, 46, pp. 157–168. (In Russ.).
- Gavriluk N.A., Timchenko N.P. Fenomen ogrableniia skifskikh pogrebenii v «makroekonomike» Severnogo Prichernomor'ia [Phenomenon of robbery of Scythian burials in "macroeconomic" of Northern Black Sea Coast]. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Works IV (XX) of the All-Russian archaeological congress in Kazan], Kazan, Otechestvo Publ., 2014, II, pp. 78–83. (In Russ.).
- Gokhman I.I. Paleoantropologiya i doistoricheskaiia meditsina [Paleoanthropology and prehistoric medicine]. *Antropologiya meditsine* [Anthropology of medicine]. Moscow, MSU Publ., 1989, pp. 5–16. (In Russ.).
- Grach A.D. *Drevnie kochevniki v tsentre Azii* [Ancient nomads in the Center of Asia]. Moscow, GRVL Publ., 1980. 256 p. (In Russ.).
- Grigoreva M.A., Leonova S.G. «Strakh i trepet»: obriad obezvezhivaniia v pogrebalnoi praktike iranoiazychnykh kochevnikov Severnogo Kavkaza ["Fear and awe": a neutralization ceremony in funeral practice the iranoiazychnykh of nomads of the North Caucasus]. *Kant* [Kant], 2015, 3 (16), pp. 16–21. (In Russ.).
- Gurenko L.V. *Otchet o provedenii arkheologicheskikh issledovanii v Kumylzhenskom raione Volgogradskoi oblasti (u stanitsy Glazunovskoi v 1996 g.)* [The report on carrying out archaeological researches in Kumylzhensky district of the Volgograd region (at the village Glazunovskoy) in 1996]. Manuscript. 87 p. (In Russ.).
- Zaitseva O.V. *Pogrebeniia s narushennoi anatomicheskoi tselostnostiu kostiaka: metodika issledovaniia i vozmozhnosti interpretatsii* [Burials with the broken anatomic integrity of frame: technique of a research and possibility of interpretation]. PhD in History. Diss. Tomsk, 2005. 278 p. (In Russ.).
- Kirichenko D.A. O sluchaiakh trepanatsii u sarmatskikh plemen Evrazii [About trepanation cases at the Sarmatian tribes of Eurasia]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography], 2016, 2 (33), pp. 112–119. (In Russ.).
- Kiselev S.V. *Drevniaia istoriia Iuzhnoi Sibiri* [Ancient history of Southern Siberia]. Moscow, Nauka Publ., 1951. 635 p. (In Russ.).
- Kozlenko R.A. Obriad obezvezhivaniia pogrebennykh v Nizhnem Pobuzhe v antichnyi period [Obryad of neutralization buried in Nizhny Novgorod by Pobuzhye during the antique period]. In *Drevnie nekropoli: pogrebalno-pominalnaia obriadnost, pogrebalnaia arkhitektura i planigrafia nekropolei. 28–30 noiabria 2016 g. Institute Istoriia Materialnoi Kultury RAN (Sankt-Peterburg)* [Ancient necropolises: funeral and funeral ceremonialism, funeral architecture and a planigraphy of necropolises. November 28–30, 2016. Institute of History of Material Culture of RAS (St. Petersburg)] URL: <http://www.archeo.ru/struktura-1/otdel-arheologii-centralnoi-azii-i-kavkaza/meropriyatiya-otdela/drevnie-nekropoli> (Accessed 25.10.2017) (In Russ.).
- Kosarev M.F. Mirovoztrencheskie aspekty traditsionnoi pogrebalnoi obriadnosti (po sibirskim materialam) [World outlook aspects of traditional funeral ceremonialism (on the Siberian materials)]. *Kratkie soobshcheniia Instituta Arkheologii* [Short messages of Institute of Archeology], 2010, 224, pp. 33–52 (In Russ.).
- Kurgannyi mogilnik Peregruznoe I: rezultaty mezhdistsiplinarnykh issledovanii: monografiia* [Kurganny burial ground Reheavy I: results of cross-disciplinary researches: monograph]. Volgograd, Volgogradskogo filiala RANKhIGs Publ., 2014, 360 p. (In Russ.).
- Kyzlasov L.R. *Tashtytskaia epokha v istorii Khakascko-Minusinskoii kotloviny (I v. do n.e. – V v. n.e.)* [Tashtytsky era in the history of Minusinsk Depression (1st century BC – 5th century AD)]. Moscow, MGU Publ., 1960. 198 p. (In Russ.).
- Lipskii A.N. K voprosu ob ispolzovanii etnografii dlia interpretatsii arkheologicheskikh materialov [To a question of use of ethnography for interpretation of archaeological materials]. *Sovetskaia etnografiia* [Soviet ethnography], 1966, 1, pp. 105–118. (In Russ.).
- Lisitsyn Iu.P. *Istoriia meditsiny* [Medicine history]. Moscow, GEOTAR. Med. Publ., 2004. 400 p. (In Russ.).
- Mednikova M.B. K voprosu o rasprostraneni posmertnoi trepanatsii cherepov v Tsentralnoi Azii [To a question of distribution of posthumous trepanation of skulls in Central Asia]. *Rossiiskaia arkheologiya* [Russian archeology], 1997, 4, pp. 130–188. (In Russ.).
- Mednikova M.B. *Trepanatsii u drevnikh narodov Evrazii* [Trepanations at the ancient people of Eurasia]. Moscow, Nauchnyi Mir Publ., 2001. 304 p. (In Russ.).
- Mednikova M.B. *Trepanatsii v drevnem mire i kult golovy* [Trepanations in the ancient world and a head cult]. Moscow, Aleteia Publ., 2004. 208 p. (In Russ.).
- Naran B., Tumen D. Travmaticheskie povrezhdeniia na cherepakh Chandmanskogo mogilnika [Traumatic damages on skulls of the Chandmanky burial ground]. *Rossiiskaia arkheologiya* [Russian archeology], 1997, 4, pp. 122–130. (In Russ.).
- Pererva E.V. Sluchai trepanatsii u sarmatov (po antropologicheskim materialam iz mogilnika Peregruznoe I) [Case of trepanation at Sarmatians (on anthropological materials from the burial ground Reheavy I)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin], 2012, 2, pp. 123–133. (In Russ.).
- Pikalov D.V. Bliznechnyi kult i obychai otrubaniia ruki u sarmat [Bliznechny a cult and custom of cut off a hand at the Sarmatian]. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings IV (XX) of the All-Russian archaeological congress in Kazan]. Kazan, Otechestvo Publ., 2014, 2, pp. 150–155. (In Russ.).
- Prokopenko Iu.A. *Sviasi naseleniia Tsentralnogo Predkavkaziia (vtoraia polovina I tys. do n.e.)* [Communications of the population of the Central Ciscaucasia (second half of the I millennium BC)]. B.M.: LAP LAMBERT Academic Publ., 2011. 584 p. (In Russ.).
- Skripkin A.S. *Nizhnee Povolzhe v pervye veka nashei ery* [Lower Volga area in the first centuries of our era]. Saratov, 1984. 149 p.
- Skripkin A.S. *Aziatskaia Sarmatiia. Problemy khronologii, periodizatsii i etnopoliticheskoi istorii. Nauchnyi doklad, predstavlennyi v kachestve dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk* [Aziatskaya Sarmatiya. Problems of chronology, periodization and ethnopolitical history. DSc. in History. The scientific report. Moscow, 1992. 46 p. (In Russ.).
- Smirnov Iu.A. *Labirint: mifologiya prednamerennogo pogrebeniia* [Labyrinth: mythology of deliberate burial]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1997. 279 p. (In Russ.).
- Rokhlin D.G. *Bolezni drevnikh liudei (kosti liudei razlichnykh epokh normalnye i patologicheskie izmeneniia)* [Diseases of ancient people (bones of people of various eras normal and pathological changes)]. Moscow-Leningrad, Nauka Publ., 1960. 303 p. (In Russ.).
- Rudenko S.I. *Kultura Altaia vremeni sooruzheniia pazyrykskikh kurganov* [Culture of Altai of time of a construction pazyrykskikh of barrows]. *KSIIIMK* [Brief reports of the Institute of the History of Material Culture], 1949, 26, pp. 97–109. (In Russ.).
- Rudenko S.I. *Kultura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia* [The culture of the population of Mountain Altai in Scythian time]. Moscow-Leningrad, AN SSSR Publ., 1953. 402 p. (In Russ.).
- Tokarev S.A. *Rannie formy religii* [Early forms of religion]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 662 p. (In Russ.).

- Fialkov L. *Istoriia meditsiny* [Medicine history]. Khaifa, JKDesign, 2010. 474 p. (In Russ.).
- Flerov V.S. Alany Tsentralnogo Predkavkazia V–VIII vekov: obriad obezvezhivaniia pogrebennykh [Alans of the Central Ciscaucasia of the 5–8th centuries: ceremony of neutralization of buried]. *Trudy Klin-larskoi ekspeditsii* [Works of the Klien-Yarsky expedition]. Moscow, Polimedia Publ., 2000, p. 142. (In Russ.).
- Khudaverdian A.Iu. Trepanirovannye cherepa iz pogrebenii epokhi pozdnei bronzy i rannego zheleznogo veka s territorii Armenii [The trepanned skulls from burials of an era of late bronze and the early Iron Age from the territory of Armenia]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography], 2015, 2 (29), pp. 115-127. (In Russ.).
- Iatsenko S.A. *Kostium drevnei Evrazii (iranoiazychnye narody)* [Suit of ancient Eurasia (iranoyazychny people)]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2007. 664 p. (In Russ.).
- Iatsenko S.A. O zhenshchinakh-«zhritsakh» u rannikh kochevnikov (na primere znatnykh sarmatok I v. do n.e. – II vv. n.e.) [About women-“priestesses” at early nomads (on the example of notable a sarmatok of the 1st one or II century BC of centuries AD)]. *Mirovozzrenie narodov luzhnoi Sibiri i Tsentralnoi Azii v istoricheskoi retrospektive* [Outlook of the people of Southern Siberia and Central Asia in a historical retrospective]. Barnaul, 2007, 1, pp. 1-8. (In Russ.).
- Iatsenko S.A. Kharakter drevnikh ograblenii kurganov dvukh grupp sarmatskoi elity I–II vv. n.e. [Nature of ancient robberies of barrows of two groups of Sarmatian elite of the 1–2nd centuries AD]. *Drevnie nekropoli i poseleniia: postpogrebalnye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniia i ogrableniia. Trudy IIMK RAN* [Ancient necropolises and settlements: post-funeral rituals, symbolical burials and robberies. Works IIMK RAS]. 2016, 46. pp. 147-156. (In Russ.).
- Acikkol A., Gunay i., Akpolat E., Gulec E. A middle bronze age case of trephination from central Anatolia, Turke. *Bull. Int Assoc. Paleodont.*, 2009, 3 (2), pp. 28-39.
- Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C. *The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology*. United Kingdom, Cambridge University Press, 1998. 496 p.
- Boev P. Historical trephinations in Europe. *Diachronic trends in historical anthropology. Sbornik Narodniho Muzeja v Praze*. 1992, Vol. XLVI, no. 3–4, pp. 140–143.
- Brothwell D.R. *Digging up Bones*. London: Trustees of British Museum, 1972. 316 p.
- Brothwell D.R. *Digging up Bones*. Third Edition, British Museum (Natural History), Oxford University Press, 1981, p. 71.
- Brothwell D.R. Ancient Trephining: Multi-focal evolution or Trans-World Diffusion? // *Journal of Paltopathology*, 1994, 6 (3), pp. 129-139.
- Chorney M.A., Gandhi Ch. D., M.D., Prestigiacomo Ch.J. Berengario's drill: origin and inspiration. *Neurosurg Focus*, 2014, 36 (4), pp. 1-7.
- Crubezy E., Bruzek J., Guilaine J., Cunha E., Rouge D., Jelinek J. The antiquity of cranial surgery in Europe and in the Mediterranean basin. *C. R. Acad. Sci. Paris, Sciences de la Terre et des planetes. Earth and Planetary Sciences*. 2001, 332, pp. 417-423.
- Compillo D., Safont S., Malagosa A., Puchalt F.-J. Four trepanned skull from 5th and 16th century in Spain. Surgery or ritual? *Cronos*, 1999, 2 (2), pp. 261-283.
- Drennan M.R. Some Evidence for a Trepanation Cult in the Bushman Race. *Medical Journal S.A. Tydskrif vir Geneeskude*, 1937, Maart 27, pp. 3-6.
- Erdal Y.S., Erdal O.D. A Review of Trepanations in Anatolia with New Cases. *International Journal of Osteoarchaeology*, 2011, 21, pp. 505-534.
- Kurin D.S. Trepanation in South-Central Peru During the Early Late Intermediate Period (ca. AD 1000–1250). *American Journal of Physical Anthropology*, 2013, 152, pp. 484-494.
- Likovskiy Ja., Malykova Dr., Brzobohata H., Stranska P. Causation and methods of skull trepanation in the past from the point of view of the latest findings from the Czech territory. *Anthropologie*, 2010, XLVIII/1, pp. 19-32.
- Lisowski F.P. Prehistoric and Early Historic Trepanation. *Diseases in Antiquity*. Springfield, Charles C Thomas, 1967, pp. 651-872.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectocranial Suture Closure: A revised Method for the Determination of Skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures. *American Journal of Physical Anthropology*, 1985, 68, pp. 57-66.
- Murphy E.M. Trepanations and Perforated Crania from Iron Age South Siberia: An Exercise in Differential Diagnosis. *Trepanation: History, discovery, theory*. Lisse: Swets & Zeitlinger Publishers, 2003, pp. 209-221.
- Nemeskeri J., Kralovansky A., Harsanyi L. Trephined skulls from the tenth century. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1965, XVII, pp. 343-367.
- Nystrom K.C. Trepanation in the Chachapoya region of Northern Peru. *International Journal of Osteoarchaeology*, 2007, 17(1), pp. 39-51.
- Rawlings Ch. R., Rossitch E. The History of Trephination in Africa with a Discussion of Its Current Status and Continuing Practice. *Surg. Neurol.*, 1994, 41, pp. 507-513.
- Rubini M. A Case of Cranial Trepanation in a Roman Necropolis (Cassino, Italy, 3rd Century BC). *International Journal of Osteoarchaeology*, 2008, 18, pp. 95-99.
- Pitsios Th., Zafiri V. Cases of Trephination in Ancient Greek Skulls. *International Journal of Caring Sciences*, 2012, September–December, 5(3), pp. 239-245.
- Tiago T., Ana Maria S., Collado G.H., Oosterbeek L. Prehistoric trepanation in the Iberian Peninsula: a new case from the province of Badajoz (Extremadura, Spain). *Antropologia Portuguesa*, 2015/2016, 32/33, pp. 47-60.
- Sankhyan A.R., Weber G.H.J. Evidence of Surgery in Ancient India: Trepanation at Burzahom (Kashmir) over 4000 Years Ago. *International Journal of Osteoarchaeology*, 2001, 11, pp. 375-380.
- Verano J.W. Trepanation in Prehistoric South America: Geographic and Temporal Trends over 2,000 Years. *Trepanation. History, Discovery, Theory*, 2003, pp. 223-236.
- Wilkinson R.G. Trephination by drilling in ancient Mexico. *Bull. N.Y. Acad. Med.*, 1975, 51(7), pp. 838-850.
- Wilson Parry T., Cantab M.D. Trephination of the living human skull in prehistoric times. *The British Medical Journal*, 1923, march 17, pp. 457-461.

Authors information

Mamonov Vladislav I., PhD, Sc. Professor, legenda@vspsu.ru.
 Obramenko Irina E., PhD MD (doctor-radiologist of the highest category, head of radiological diagnostics Department),
 custvol@yandex.ru.
 Pererva Evgeny V., PhD, perervafox@mail.ru.